

ВО ВСЮ ЭМОЦИЮ

* * *

Одинокий пловец, с беспокойными волнами споря,
удаляясь от берега, изредка виден мельком.
Синеватая толща воды покоренного моря
неуклонно растет с каждым вздохом и каждым гребком.

Но в пучине морской всплески волн ничего не меняют,
лишь немного рябит и колеблется солнечный свет.
Только тень от пловца с нежным трепетом дно обнимает
и скользя по поверхности, медленно сходит на нет.

Мы по жизни плывем – кто с прохладцей, а кто торопливо,
выбиваясь из сил и заимствуя время у сна.
Но любому из нас вменена протяженность заплыва,
и у каждого есть предназначенная глубина.

Как доплыть мне туда, где следы кораблей и флотилий
так легко поглощаются терпкой густой синевой,
чтоб забыть берега, что однажды меня приютили –
каменистые склоны с горящей от зноя травой.

Чтобы вечно парить в том прозрачном и зыбком просторе,
где бездонный эфир прирастает морской глубиной.
Чтобы годы спустя принесло благодарное море
истощенное тело, что стало давно уж не мной.

* * *

За церковной оградой жасмин и шиповник цветут.
Здесь садовник блажен, об обоих растениях радея.
Нет меж ними вражды. И отрадно подумать, что тут
как для Господа нашего, нет ни эллина, ни иудея.

На участке моем лишь шиповник вольготно растет,
размножаясь по саду отнюдь не сухими плодами,
Но простым почкованьем десятков отростков-сирот.
А жасмина росток созревает и крепнет годами.

За церковной оградой сияет английский газон –
результат каждодневных трудов механической бритвы.
Прихожан проходящих беззвучно напутствует он
проводить свою жизнь в непрестанной и честной молитве.

Моей матери тетка в поклонах жила и в посте.
Даже ангелы к ней иногда прилетали, как птицы.
Её годы прошли в одиночестве и нищете –
кроме музыки сфер, ничему не смогла научиться.

За церковной оградой диковинный терем стоит,
где виднелись могилы, давно потерявшие имя.
Отпечатались в памяти их обездоленный вид –
сам, бывало, в отрочестве хаживал мимо.

Хоронили всем миром. Стояли, сжимая в горсти
желтоватый суглинок, старались не думать плохое,
ибо должен усопший в блаженстве себя обрести,
упокоенный здесь... Только нет в этой жизни покоя.

* * *

Оставляю все как есть на даче и в квартире,
лишь только внешний вид немного обновлю.
Чтоб всем моим родным в потустороннем мире
вернее было знать, что помню и люблю.

Но если от меня к ним не доходят вести
и Землю без конца окутывает мгла,
то пусть приходят все – в отдельности и вместе, –
чтоб попросту взглянуть, как у меня дела.

Пусть мама посидит в своем любимом кресле,
стоящем у торца отцовского стола.

Освоившись, она во всяком деле, если
захочет вникнуть в суть, увидит два крыла.

Пусть выяснит отец, что в целости все книги,
стоящие вдоль стен в широких стеллажах,
и вспомнит заодно все сладостные миги,
когда их доставал (при тех-то тиражах!).

Оставляю все как есть. Такое постоянство
предшествует всегда приходу тишины,
которая сведет в единое пространство
и призрачную явь, и явственные сны.

Пусть в нем сойдутся все – и славные персоны,
которым в их пути на все хватало сил,
и даже варнаки, чьи сдавленные стоны –
Господь не уберег, Господь не уследил –
доносятся порой с заброшенных могил...